

УДК 101.1:316

Е.В. Сажиевко

Тренды современного этапа глобализации

Аннотация:

В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми столкнулось общество в последние годы на фоне пандемии COVID-19 и специальной военной операции (СВО). Проводится анализ современного этапа глобализации: можно ли по-прежнему считать, что этот процесс идет или начался обратный процесс – деглобализация?

Ключевые слова: глобализация, кризис, санкции, пандемия, деглобализация.

Об авторе: Сажиевко Екатерина Владимировна, Государственный университет «Дубна», кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук; e-mail: cuore-87@mail.ru

Еще несколько десятилетий назад казалось, что процесс глобализации – нечто незыблемое. Действительно, торговый оборот между странами наращивался, продолжалась отраслевая дифференциация стран в экономической сфере, процесс проникновения западной культуры в инокультурные среды усиливался, а количество коммуникаций между представителями разных стран возрастало. Казалось, что взаимовлияние и взаимопроникновение настолько сильны, что уже ничто не может изменить этот тренд. Уже к началу XXI в. были четко встроены глобальные цепочки поставок. Одни государства специализировались на создании и внедрении новых технологий, другие – на их производстве, третьи – на добыче полезных ископаемых, а четвертые делали упор на аграрном секторе.

Налаженная система неплохо работала до мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. После начала пандемии COVID-19 ситуация вновь усугубилась. Например, в 2021 г. случился глобальный кризис цепи поставок, суть которого заключается в том, что китайское производство уже было налажено, а порты в США не справлялись с объемом перевозок. Кроме того, транспортировку контейнеров осуществляют выходцы из стран с

низкой долей вакцинированного населения, что ухудшает ситуацию в этом секторе рынка труда. Сегодня мир находится на этапе выхода из состояния пандемии, но роль региональных цепочек поставок продолжает возрастать.

Если говорить о недостатках глобальной системы в контексте санкций, то уместен пример с производством полупроводников. Страны, на долю которых приходится большая часть их выпуска, ввели санкции против России в сфере технологий. В нашей стране есть свои предприятия, но «Байкал Электроникс» и МЦСТ не производят полупроводники, а только проектируют их, используя архитектуру ARM и MIPS, принадлежащие британским компаниям. Задачи по выпуску давал TSMC, находящийся в Тайване. Собственная архитектура микросхем есть в «Эльбрусах», однако и тут возникли проблемы из-за того, что производство сложных моделей осуществляет TSMC, отменившая все заказы из-за того, что Тайвань присоединился к санкциям. Таким образом, доступ к конкурентоспособным полупроводникам у России весьма затруднен.

У объективного процесса глобализации, разумеется, была и обратная сторона, проявляющаяся в унификации стилей жизни по западному образцу, представляющей собой угрозу для национальной самобытности. В итоге процесс глобализации начал встречать активное сопротивление в странах с собственными культурными практиками, традициями и, главное, с собственным видением своего места в глобальном мире. Таким образом, многие социокультурные проблемы были вызваны стремлением сохранить этническую и культурную самобытность и противостоять унификации, неизбежно привносимой глобализационными процессами во всех сферах социальной жизни.

Подобное явление получило название «глокализация» [12]. Его можно считать проявлением противоречия между объективным (глобализация) и субъективным (воля носителей национальных культур и их политических лидеров) факторами. Тем не менее, взаимозависимость различных стран продолжала расти и укрепляться. Казалось, что именно этот аспект останется неизменным, что бы ни происходило. Но в последние годы и эта тенденция начала меняться, что стало особенно заметно с началом пандемии COVID-19. Для России самые масштабные проявления глобальных изменений начались уже в 2022 г., хотя первые сигналы о возможных трудностях появились значительно раньше.

«Плавильный котел» глобализации

Сегодня изменения, вероятно, затрагивают непосредственно сам объективный процесс глобализации. Исследователи, работающие в области экономики, еще в 2010-е гг. (после мирового финансового кризиса) начали использовать термин «деглобализация», при этом суть описываемого процесса «выражается прежде всего в ограничениях свободы торговли с помощью протекционистских мер и торговых войн» [7, с. 38]. В начавшемся десятилетии этим понятием можно описать уже и другие сферы жизни общества, поэтому, на наш взгляд, уместно говорить о начале нового этапа глобализации, наглядно демонстрирующего, насколько хрупким оказался глобальный мир, казавшийся таким стабильным.

Объяснить текущую ситуацию только ограничениями, введенными из-за пандемии, или санкциями против России из-за специальной военной операции вряд ли получится. Ее истоки уходят в более ранние периоды, когда между Москвой и Киевом были вполне рабочие отношения, а вирус, распространившийся по всей планете, был объектом изучения историков и микробиологов, основой сюжета нескольких книг и фильмов в жанре фантастики, но никак не объектом внимания СМИ, общественности и ведущих политиков мира.

Если говорить о начале геополитического противостояния России и Запада, то можно вспомнить о таких фактах, предшествовавших украинскому кризису, как «конфуз с Ираком (ноябрь 2012 г.), запустившим информацию об отмене четырехмиллиардного контракта с Россией на покупку вооружения, разное отношение России и западных стран к «арабской весне» (в Сирии), специфика интересов РФ и США в Венесуэле, интернационализация Арктики и национальная легитимность России – отзвуки этой геополитической борьбы» [6, с. 62]. Этот длинный список, иллюстрирующий противостояние по оси Россия – глобальный Запад, можно дополнить переговорами по сирийскому химическому оружию, предоставлением политического убежища Э. Сноудену, введением санкций со стороны США из-за нарушения внутреннего закона о запрете распространения ядерного оружия в отношениях с Ираном, Сирией и Северной Кореей, неоднозначная оценка военного присутствия России в Сирии и так далее.

Если рассуждать об отношениях Китая и США, двух ведущих экономик мира, то здесь в большей степени противостояние затрагивает торговый оборот и доступ к технологиям. Например, «пандемия усилила стремление многих развитых стран защитить

свои внутренние рынки от экономической экспансии Китая» [2, с. 69]. Защита национальных интересов от экспансии КНР в сфере экономики стала важным фактором американской политики. Разумеется, такие факты противоречат принципам свободной торговли, характерным еще для рубежа XX-XXI вв. Очередным сигналом деглобализации стал «процесс исключения китайских компаний из листинга на фондовых биржах США и введение санкций за сделки с некоторыми китайскими компаниями» [10, с. 30]. И все-таки трудности, стоящие перед Китаем в современных условиях, относятся пока только к сфере экономики или экономической политики.

Мы можем наблюдать, как изменилась риторика мировой политической элиты. Больше не озвучиваются никаких постулатов о международной экономической безопасности, под которой понимается «предоставление гарантий на взаимной основе в том, что ни одно государство не сможет извлекать каких бы то ни было экономических или иных (явных) преимуществ в одностороннем порядке из ситуаций, связанных с экономической зависимостью и угрозами в рамках единого мирового хозяйства» [11, с. 311]. При этом нет и решимости полностью от нее отказаться. Например, российские активы заморожены, но не изъяты, поскольку есть опасения, что такой прецедент способен окончательно подорвать основы мировой экономики. Кроме того, подобные решения могут пагубно отразиться на национальных интересах США и других западных стран по многим причинам, среди которых немалую роль играет, например, наличие большого внешнего долга, держатель значительной части которого – Китай.

Таким образом, «некоторое восстановление мирового экономического развития после глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. было в значительной степени нивелировано пандемией COVID-19 и конфликтом на Украине, обнаживших весь комплекс накопившихся нерешенных проблем дисфункциональности МВФС (мировой валютно-финансовой системы – прим. автора)» [8, с. 200]. Политические элиты разных стран переживают кризис, проявляющийся либо в очевидном непонимании современных реалий, либо в нежелании действительно решать проблемы, общие для всего человечества. Более того, действия различных мировых лидеров привели к фактическому срыву переговоров по украинскому кризису и складывается впечатление, что цель – не прекращение боевых действий, а, напротив, их максимальное продление.

А. П. Назаретян говорил о том, что «решающий рост эффективности РФ на международной арене был бы обусловлен смещением акцентов во внешнеполитической

риторике с «национальных интересов» на актуальную общечеловеческую тему: «восстановление устойчивости глобальной геополитической системы» [9, с. 149]. Однако риторика отечественных СМИ до сих пор базируется на патриотической составляющей, которая подходит только для внутренней аудитории и не позволяет завоевать поддержку за рубежом. Естественно, Россия последовательно выступает в качестве флагмана в борьбе с глобалистской идеологией. Но патриотизм и антифашизм не противоречат друг другу, стоило лишь немного проработать риторику и снизить эмоциональный накал.

Ошибочная стратегия в риторике СМИ привела не только к отторжению потенциальных сторонников вовне, но и к расколу общества, что мы могли наблюдать весной этого года, когда десятки тысяч человек массово покидали страну. А. П. Назаретян предлагал направить усилия на разработку стратегического курса «на сохранение планетарной цивилизации в XXI в. и его грамотную информационную раскрутку» [9, С.149]. С одной стороны, такая риторика отечественной политической элиты – проявление борьбы двух идеологий: «глобалистской» и «национальной», свойственной для современного этапа глобализации [4]. С другой стороны, большая ориентированность на решение глобальных проблем могла бы способствовать созданию более благоприятного образа России в других странах.

Серьезные изменения коснулись не только политических, но и финансовых элит. Введенные санкции пошатнули положение крупнейших российских предпринимателей, чьи счета оказались заблокированы. Это спровоцировало трудности в работе не только представительств их компаний за рубежом, но и внутри страны. Задержки заработной платы, длительные административные отпуска, закрытие множества предприятий, покидающих Россию, отражаются на самочувствии всех социальных классов. Вероятно, наиболее существенно санкции отразятся на представителях высшего и среднего социальных слоев, поскольку вызовут изменения не только в структуре потребления, но и даже в образе жизни. Например, средний класс привык к отдыху за границей, частота поездок и страны пребывания зависят от уровня доходов. Места отдыха изменились еще из-за пандемии COVID-19, и традиционные поездки в Турцию и Египет заменил отдых в Крыму, на Кавказе и в Краснодарском крае. Теперь нижняя прослойка среднего класса, составляющая примерно 30% населения страны, находится под угрозой оказаться за чертой бедности. Представляется, однако, что снижение уровня жизни затронет в той или иной степени большую часть населения планеты.

Изменения отразились и на сфере культуры: приостановлено научное сотрудничество России с западными странами и Китаем, что стало, пожалуй, самой большой неожиданностью, поскольку КНР не вводила никаких санкций по отношению к нашей стране. Вероятно, китайское руководство не захотело рисковать совместными научными проектами с европейскими странами и США. Русская культура тоже оказалась под ударом: от анекдотически-курьезного исключения тургеневского дуба из конкурса «Европейское дерево года» до разрыва контрактов с российскими музыкальными деятелями, что стало еще одним образцом «культуры отмены», в разных контекстах проявляющейся в западных странах. Таким образом, мир заметно меняется, а глобальная турбулентность в итоге в разной степени затронет жизнь каждого человека.

Связи порваны: временно или навсегда?

А. П. Назаретян в последние годы неоднократно высказывался о том, что события после 2010 г. свидетельствуют о системном кризисе, который переживает глобальная цивилизация, что приводило его к неутешительным выводам. При этом он писал о том, что любые мегатренды развиваются нелинейно, с периодами, когда их развитие замедляется или вовсе возвращается к предыдущему состоянию. Еще в 2018 г. он писал: «Если в близком будущем на мировой арене не образуется вменяемый субъект, оснащенный эффективным смыслообразующим мировоззрением и способный восстановить утерянный геополитической системой баланс, то перспектива цивилизации на нашей планете может оказаться плачевной» [9, с. 85]. Вероятно, современные события – последствия того, что мир все еще переживает геополитическую турбулентность, обусловленную не только крушением биполярной системы, но и изменениями реалий, сложившихся после 1991 г. США продолжают вести политику, свойственную им последние 20-30 лет, не желая уступать свои слабеющие позиции. При этом на роль «противовеса», удерживающего баланс, претендуют в разной степени несколько акторов, включая Россию, но представляется, что особую роль в противостоянии играет все-таки Китай [5].

Вопрос о том, смогут ли Россия и Китай образовать единый центр силы, пока остается открытым. С одной стороны, оба государства отстаивают, прежде всего, собственные национальные интересы, что мешает заключению прочного союза (не оглашается даже таких намерений). С другой стороны, подобное объединение могло бы быть эффективным, поскольку этим государствам есть что предложить друг другу. Китай

– первая экономика мира (первая по ВВП по паритету покупательной способности), в то время как Россия обладает огромными природными ресурсами и тем, что в этой ситуации не менее важно, – опытом противостояния с западными странами, которые почти ни по каким вопросам не имеют своей позиции, отличной от позиции США. Единственное исключение из этого – период президентства Д. Трампа, не являющегося проводником глобалистской идеологии. Даже из-за столь напряженных отношений «война (мировая в классическом понимании – прим. автора), судя по всему, не начнется» [3, с. 16].

Вопрос о том, насколько долгосрочной и перспективной станет современная тенденция деглобализации, пока остается открытым. Что же может стать решением проблемы? Где пути выхода из кризиса? Оставим в стороне наивный сценарий, в рамках которого Россия отказывается от своих геополитических амбиций, а дружелюбно настроенный глобальный Запад, пекущийся о благе каждого россиянина, отменяет санкции, оказывает поддержку и все возвращается к исходной точке. В рамках этой статьи мы уже пришли к выводу, что текущая ситуация не причина кризиса, а одно из его проявлений. И все-таки, на наш взгляд, деглобализация – это временное состояние, вызванное экономическими проблемами на фоне пандемии, геополитической турбулентности и нового идеологического противостояния «глобализм vs национализм».

Понимание того, что в доминирующей парадигме мышления, характеризующийся политическим цинизмом, восприятием экономического роста и технологических инноваций как самостоятельной ценности, невозможно решить существующие проблемы, так и не пришло [1]. В таком случае вывод весьма печален: пока не придет осознание ответственности перед своими современниками и следующими поколениями, мир будет и дальше погружаться в хаос, что может сыграть роковую роль с учетом приближения сингулярности, о которой так убедительно писал в своих работах А. П. Назаретян.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н. Г. Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. №3. Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/77.html&j_id=7 (дата обращения: 02.10.2023).
2. Бойко И. В. Глобализация или локализация: новая управленческая парадигма XXI века // Управленческое консультирование. 2022. № 1. С. 64-75.

3. Братерский М. В. Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI веке // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 11-33.
4. Гринин Л. Е. Идем ли мы к глобалистской революции? (Как глобалисты пытаются изменить мир). Глобалистская революция и ее цена для мира / Л.Е. Гринин, А. Л. Гринин // Век глобализации. 2022. №1. С. 3-28.
5. Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. №2. С. 5-13.
6. Залывский Н. П. Конкуренция государств за экономическое лидерство в мире // Век глобализации. 2014. №1. С. 55-65.
7. Князев Ю. К. Деглобализация: временно или навсегда? // Свободная мысль. 2022. №1. С. 35-42.
8. Кузнецов А. В. Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. 2022. №2. С. 190-203.
9. Назаретян А. П. Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН, 2018. 260 с.
10. Семенкова Е. В. Причины, факторы и последствия деглобализации для российского фондового рынка / Е. В. Семенкова, Е. Н. Власова // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2022. №1. С. 26-31.
11. Яковлев А. А. Вопросы анализа национального и регионального опыта некоторых государств в решении задач по обеспечению экономической безопасности // Экономические науки. 2022. №1. С. 310-314.
12. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 211 p.

Sazhienko E. V. Trends of the modern stage of globalization

Abstract: The article examines the main problems that society has faced in the time of the COVID-19 pandemic and a special military operation. We analyse the current stage of globalization: can we still consider that this process is ongoing or has the reverse process begun - deglobalization?

Keywords: globalization, crisis, sanctions, pandemic.